

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ СТАРЫХ БАРГУТОВ КИТАЯ

Б. Р. Зориктуев

Аннотация: Статья посвящена одному из наиболее интересных и в то же время загадочных этносов Северной Азии — баргутам, которые в XIII в. жили у Байкала, а в настоящее время, называясь старыми баргутами, — на северо-восточной окраине Китая. Исследуются история и некоторые вопросы этнографии.

Ключевые слова: старые баргуты, племенная общность, Баргузин, этнография.

В эпоху средневековья одним из широко известных монгольских этносов были баргуты. Достоверно известно, что в XIII в. они жили на восточной стороне Байкала, в местности Баргуджин-Токум, и принимали заметное участие в монгольских событиях, в связи с чем их имя часто упоминается в письменных памятниках (Рашид-ад-дин, 1952: 77, 117, 121–123, 156, 166, 184, 185). Но в начале XVII в., когда территория по обе стороны Байкала стала осваиваться пришлыми русскими, их там уже не было. В начале прошлого века из случайных и разрозненных публикаций стало известно, что на северо-восточной окраине Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР) обитают две группы так называемых старых баргутов (хуушан барга) и новых баргутов (шэнэ барга) (Боржимский, 1915; Кормазов, 1928; Материалы по Маньчжурии..., 1907), но сказать что-либо определенное об их отношении к баргутам Баргуджин-Токума было невозможно. Такая ситуация сохранялась до 1990-х гг., пока в результате нормализации российско-китайских отношений не была открыта граница и не появилась возможность научных поездок в Китай. Благодаря такому стечению обстоятельств, автор данной статьи с конца 1990-х гг. совершил ряд поездок к обеим группам баргутов с целью сбора материала по их истории и этнографии.

Зориктуев Булат Раднаевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ.

В данной статье автором поставлена цель хотя бы немного приоткрыть завесу над историей старых баргутов, которая, как будет видно далее, является совершенно неизвестной по сравнению с историей новых баргутов. В настоящее время старые баргуты в соответствии с официальной государственной статистикой входят в состав монгольского населения АРВМ и в качестве самостоятельного этнического подразделения проживают в Хулун-Буирском аймаке, в хошуне Хуушан Барга (по-русски — Старобаргутский хошун). Этот хошун, административным центром которого является г. Баян-Хурэ, расположен к северу и северо-западу от столицы Хулун-Буирского аймака г. Хайлара. На юге он граничит с Восточным хошуном новых баргутов, на востоке — с Эвенкийским хошуном, его северо-западная граница проходит по р. Аргуни (Эргунэ) и совпадает с государственной границей между Китаем и Россией. Общая численность старых баргутов Хулун-Буира, по сообщениям информаторов, составляет около 10 тыс. чел. В Китае, кроме Хулун-Буира, небольшая группа старых баргутов обитает в провинции Хэйлунцзян недалеко от г. Цицикара. Численность их неизвестна.

Старые баргуты (самоназвание *барга*) в своем развитии прошли сложный и длительный исторический путь, начало которого теряется в дали времен. Однако прежде всего благодаря записанному у информаторов полевому этнографическому материалу, а также использованию опубликованной китайскими учеными и краеведами научной и историко-краеведческой литературы, старобаргутская история приобрела некоторые зримые очертания. Так, выяснилось, что старые баргуты хоть и смутно, но все же помнят свою бывшую родину, которая находилась на восточной стороне Байкала и называлась Баргуджин-Токумом (Баргужин-Төхөм). В старину на обо шаман старых баргутов, обращаясь к божествам, произносил: «Хатан эхэ Баргужин, хаан эсэгэ Байгулжин» (Царица-мать наша — Баргузин, царь-отец наш — Байкал). Много шаманских призываний начиналось словами «Байгал хаан эсэгэ манай, Баргужин хатан эхэ манай» (Отец наш — царь Байкал, мать наша — царица Баргузин»). Кроме того у старых баргутов сохранились воспоминания об острове Ольхон, о баргузинской горе Бархан, у них существует обычай ставить конские седла передней стороной на северо-запад по направлению к Байкалу. Смысл обычая таков, что старые баргуты не забывают свою древнюю родину и когда-то должны туда вернуться (II).

Анализ собранного материала не оставляет сомнений в том, что старые баргуты являются потомками того самого племени баргут, которое в

XIII в. обитало в Баргуджин-Токуме. Дальнейшая их история неизвестна. Д. Д. Нимаев, пытаясь заполнить этот вакуум, пишет, что старые баргуты прибыли в Хулун-Буир из Халхи. Этот район, по его мнению, оказавшись в XVII в. на стыке интересов России и маньчжурского Китая, какое-то время был в положении нейтральной земли, являясь удобным прибежищем для разных групп кочевников (Нимаев, 1993: 163).

Из рассказов самих старых баргутов складывается несколько иная картина. Они сообщают, что их предки до прихода русских покинули Баргуджин-Токум и переселились на восток, в район Верхнего Амура. Отдельными информаторами высказывается мнение, что этот уход был спровоцирован столкновением двух разных религий возле Байкала: баргуты-шаманисты были вытеснены приверженцами буддийской веры. Однако это объяснение не имеет исторического обоснования, известно, что по-настоящему широкое распространение буддизм получил в Бурятии в XVIII в., а в Баргузинской долине — лишь с начала XIX в. (Дамбаев, 1970: 27).

Однако это объяснение не имеет исторического обоснования, известно, что по-настоящему широкое распространение буддизм получил в Бурятии в XVIII в., а в Баргузинской долине — лишь с начала XIX в. (Дамбаев, 1970: 27).

Более убедительными и достоверными представляются сведения, согласно которым исход баргутов был вызван слухами о скором приходе русских в Баргузин (III; IV). Информатор Бямба говорит, что это событие произошло в 1420 г. Откуда взялась эта значительно удревшенная дата, неизвестно, но главное то, что она, являясь отражением не одного, а многих не дошедших до наших дней подобных рассказов, уход баргутов из Баргузина относит ко времени до прихода туда русских. Эту мысль подтверждают, что очень важно, бурятский, эвенкийский и русский фольклорный материал, данные русских архивных документов. В Баргузинской долине Бурятии до настоящего времени сохранились так называемые баргутские ямы и баргутские канавы, являющиеся, по словам здешних жителей, следами бывшего пребывания там баргутов. От местных бурят и сейчас можно услышать предания, что баргуты покинули этот край тогда, когда там стало расти белое дерево и стал водиться белый зверек с черными кончиками ушей. Это событие произошло до прихода русских к Байкалу (XII). Такие же рассказы, только без упоминания зверька, услышанные, вероятно, от бурят, сохранились у эвенкийского и русского старожильческого населения Баргузина (Шубин, 1973: 9; Тихонова, 2006: 127, 131).

В преданиях, как в бурятском, так и в русском и эвенкийском вариантах, в аллегорической форме зашифрована причина, по которой баргуты вынуждены были покинуть Баргузин. Мотивы их бегства неясны, хотя если принять во внимание тот факт, что в фольклоре ряда сибирских народов мотив появления необычных деревьев является предвестником надвигающейся беды (Молдобаев, 1993: 293, 294), то можно предположить, что для баргутов белое дерево и белый зверек были сигналом скорого прихода русских, которые, как известно, на начальном этапе освоения Сибири по отношению к коренным народам нередко чинили произвол и беззакония. Известно и то, что русские первопроходцы, продвигаясь на восток, тщательно фиксировали все встречавшиеся на их пути племена и народы. Но в русских документах ни начала XVII в., когда русские казачьи отряды вступили в первые контакты с автохтонным населением на западной стороне Байкала, ни середины этого столетия, когда они перешли на восточное побережье озера и появились в Баргузинской долине, этноним баргут не встречается. Этот факт свидетельствует о том, что баргуты действительно покинули север Западного Забайкалья до прибытия русских.

Оставив Баргузин, как сообщают старожилы Хулун-Буира, баргуты дошли до верховья р. Хара-Мурэн (Амур) и жили на его левом берегу в местности Уды-гол. Когда в 1684 г. вспыхнул крупный военный конфликт между русскими и маньчжурами (Ягсаа дайн), они по воле маньчжурских властей вынуждены были передвинуться на юг, в местность Бодха, вблизи современного г. Цицикара (IV). Новый поворот в судьбе баргутов произошел после 1727 г., когда была проведена китайско-русская граница. Для ее охраны цинским правительством были возведены караульно-сторожевые посты, а для несения пограничной службы стали формироваться военные части из коренных народов. Мобилизация не обошла стороной и баргутов. В 1732 г. в Бодхе была мобилизована и переселена в Хулун-Буир большая группа орочонов, дагуров, эвенков и вместе с ними 275 баргутов. Все они оказались включенными в знаменную военно-административную организацию маньчжуров. Из баргутов, вошедших в состав солонов, был образован отдельный хошун, имевший синее знамя с белой каймой (Боржимский, 1915: 14, 17; Tubšinnima, 1985: 86). Хулун-Буир окончательно стал новой родиной старых баргутов.

В начале статьи указано, что самоназвание старых баргутов — барга. При изучении вопроса, как возникло двойное имя хуушан барга, выявлены следующие подробности. При проведении в 1727 г. государственной границы между Китаем и Россией на территории Цэцэн-хановского ай-

мака Халхи находилась довольно крупная часть забайкальского племени хори. При попытке вернуться на свою родину эта группа была задержана на границе русским караулом и в соответствии с заключенным соглашением передана маньчжурской стороне. Ее предводитель Шилдэй-занги был маньчжурами казнен. В 1734 г. эти хоринцы в связи с нехваткой людских ресурсов маньчжурскими властями были переброшены в Хулун-Буир для несения охранной службы на границе (XIV). Там уже находились старые баргуты, которые были переселены туда в 1732 г. из-под Цицикара. Так как они стали жителями Хулун-Буира раньше хоринцев, то маньчжурская администрация, с целью различать обе группы, старым баргутам дала имя хуушан барга, а прибывшим двумя годами позже хоринцам — шэнэ барга (I). Если по отношению к старым баргутам в качестве официального имени было закреплено их исконное самоназвание, то хоринцы взамен настоящего имени получили новое — по названию местности, где они раньше жили (Баргуджин-Токум). Надо сказать, что этот прецедент однажды уже был в их истории. В XIII в. степные монголы все население Баргуджин-Токума, включая и хоринцев, также по названию той местности, где оно обитало, называли баргутами (Рашид-ад-дин, 1952: 121). Эта ситуация, теперь уже со стороны маньчжуров, вновь повторилась по отношению к хоринцам в 1734 г.

Со временем, со сменой этнического самосознания, что произошло в Хулун-Буире, имя шэнэ барга осмыслилось хоринцами как их собственное имя, а себя они стали осознавать новой самостоятельной этнической общностью. Этим объясняется то, что к настоящему времени их прежняя принадлежность к забайкальским хоринцам полностью забыта. В этом плане очень показательна подвергшаяся перестройке в общественном сознании новых баргутов хоринское генеалогическое предание о Хоридой-мэргэне. Теперь в подкорректированной редакции предания, уже соответствующей новым жизненным реалиям новых баргутов, на берегу озера охотится не Хоридой-мэргэн, а Бурал-Дайчин (по мнению отдельных информаторов, имя Бурал-Дайчин является одним из вариантов имени Баргу-батор). Он женится на девушке-лебеди и от этого брака на свет появилось потомство, от которого образовались новобаргутские роды (II, V).

Но в процессе работы в Хулун-Буире выяснилось, что местное население старых баргутов иногда называет шившин барга, что у тех всегда вызывает недоумение. На вопрос, почему их так называют, информаторы из числа старых баргутов отвечают, что сами они называют себя просто барга. А кто, когда и почему назвал их шившин барга, не знают. В работе по истории баргутов Галзута Тубшинимы, вышедшей во Внутренней

Монголии, написано, что название чивчин (старомонг. написание термина *шившин*. — Б. З.) связано с именем предводителя бурятского рода Чепчугая (в написании Тубшинимы — Чибчигоя), который погиб в бою с русскими казаками в 1641 г.

Автор, видимо, полагает, что гибель Чепчугая (за оказание вооруженного сопротивления он был заживо сожжен в собственной юрте) вызвало бегство его сородичей в Хулун-Буир. Там от имени Чибчигой возникло название чивчин (Tubšinnima, 1985: 68).

Отмечая ошибочность выдвинутого предположения, подчеркну, что Чепчугай по своему происхождению был из рода шоно, который является одним из основных в этническом составе эхиритов. Поэтому если бы действительно состоялось бегство сородичей Чепчугая к Большому Хингану, то тогда в составе старых баргутов имелся бы род шоно. Но такого подразделения в старобаргутской родовой номенклатуре нет. Кроме того следовало учесть, что имя эхиритского князца в форме Чепчугай было записано русскими. По-бурятски это имя звучало иначе — Шүбтэхэй, а вовсе не Чибчигой, как полагал Тубшинима. После гибели Шүбтэхэя, возможно, опасаясь репрессий, некоторые его потомки переехали в Баргузин и до сих пор живут там, указывая свою этническую принадлежность не иначе как шүбтэхэй шоно. Пользуясь случаем, замечу, что к ним не относится перекочевавший в 1740 г. с западной стороны Байкала в Баргузин во главе семи семейств эхиритский князец Ондрей Шибшеев. Это мнение, основанное опять-таки на некотором созвучии имени Чепчугай и фамилии Шибшеев, иногда встречается в бурятоведческой литературе (Нимаев, 1993: 164). Князец Шибшеев, что доподлинно известно из баргузинских родословных, был из рода буура (Румянцев, 1956: 53).

Дальше Баргузина потомки Шүбтэхэя не ушли. Но даже если допустить их бегство в Хулун-Буир, как полагает Тубшинима, то там они, войдя в состав старых баргутов, называли бы себя либо шүбтэхэй барга, либо шоно барга, либо эхирит барга, однако такие роды в составе старых баргутов отсутствуют. Поэтому имя Шүбтэхэй не могло принять форму шившин. Однозначно можно сказать, что два этих слова никакого отношения друг к другу не имеют, следовательно, говорить о бегстве эхиритов в Хулун-Буир нет оснований. Гораздо логичнее провести связь между термином шившин и этнонимом шившин у конных тунгусов, который обитал на юге Восточного Забайкалья, в непосредственной близости от Хулун-Буира (Шубин, 1973: 107). По своему образу жизни эти тунгусы не отличались сильно от монголов, поэтому их род шившин мог оказаться

в составе старых баргутов. С другой стороны, нельзя исключать вероятность обратного процесса, а именно: часть чисто баргутского рода шившин на каком-то этапе своей истории могла инкорпорироваться в состав конных тунгусов и полностью с ними слиться. Но в любом случае вопрос, в силу каких причин название одного рода шившин, независимо от того, является он тунгусским или коренным баргутским, стало использоваться окружающим населением в качестве общего наименования старых баргутов, остается загадкой.

Большой интерес представляет вопрос, к какому типу этнической общности относились старые баргуты в прошлом. Обратимся к письменным источникам. «Сборник летописей» сообщает, что в конце зимы 1201г. Чингис-хану подчинилось племя хунгират, в состав которого входил род элджигин. Из элджигинов были выбраны братья Турукаджар-багатур и Сартак-багатур и в качестве послов отправлены на север, в Баргуджин-Токум. Прибыв туда, они в «силу ярлыка Чингиз-хана... подчинили племя баргут». Получив от главы баргутов Кадан-Айин подтверждение о признании власти Чингис-хана, Турукаджар и Сартак заключили с ним союз «мира и родства», который, как отметил Рашид-ад-дин, действует «до настоящего времени» (Рашид-ад-дин, 1952: 166).

По данным «Сборника летописей», в XIII в. основное население Баргуджин-Токума, помимо баргутов и хоринцев, составляли племена на западной стороне Байкала, которые в труде персидского историка названы не собственными именами, а обобщенным названием булагачин и кэрэмучин (соболевщики и белковщики) по роду своей хозяйственной деятельности (Рашид-ад-дин, 1952: 122), как справедливо заметил Г.Д.Санжеев (Санжеев, 1983: 84–85). Тот факт, что Чингис-хан, минуя все баргуджин-токумовские племена, направил своих послов к одним баргутам и ему достаточно было от них получить подтверждение о признании своей власти, говорит, на мой взгляд, о том, что данная общность была наиболее известной и крупной около Байкала, с которой считалось все местное население. Если еще учесть, что во главе баргутов стоял вождь, обладавший, о чем позволяет судить приведенный текст, обширными полномочиями, то можно предположить, что в типологическом плане баргутская общность представляла собой племя.

Со сказанным перекликается полевой материал. Старые баргуты состоят, по данным одних информаторов, из 17 родов, обозначаемых маньчжурским термином хала, по сообщениям других — из 18. Наиболее часто упоминаются роды эрегэн, шарнут, хурлат, шившин, гавшут, товшут,

хашенут, хартул, дулгачин, бажиндар, жэлхмэг, урянхан, улят, харанут, шимшид, болингут, хубтул, гуйлгэчин.

При анализе внутренних взаимосвязей родов выявлена одна любопытная особенность. Роды эрегэн и шившин, гавшут и товшут, харанут и шарнут, хашенут и хартул, дулгачин и жэлхмэг составляют постоянные пары. В каждой паре обе стороны называют друг друга ах дүү, что значит «братья». На вопрос, откуда пошло такое название, от многих информаторов довелось услышать, что его возникновение обусловлено тем, что образующие пары роды имеют общее происхождение и их представителям запрещено вступать друг с другом в брачные отношения.

Противоположное объяснение этого интересного этнографического явления дали Монхша и одна из старейших жительниц Старобаргутского хошуна Намжун. Они пояснили, что в прежние времена при женитьбе мужчина, например, из рода эрегэн, вначале присматривал себе достойную спутницу жизни в роде шившин. Если такая там отыскивалась, то тогда он женился на ней, если же нет, то в таком случае он имел право взять себе в жены девушку из любого другого рода внутри старобаргутской общности. То же самое, но в обратном направлении, относилось к мужчине из рода шившин, составлявшего пару с родом эрегэн. Поэтому члены родов эрегэн и шившин, как и других взаимобрачных родов, до сих пор называют друг друга ах дүү (VIII; IX).

На первый взгляд кажется, что сведения по данному вопросу противоречивы и в силу этого взаимоисключают друг друга. Но внимательное их изучение, на мой взгляд, свидетельствует о том, что и в том, и в другом случае здесь налицо отголоски былой дуальной организации, что было характерно для племени. Разница лишь в том, что в устах информаторов за давностью лет некоторые явления, реально имевшие место в жизни старобаргутского общества, получают неодинаковую интерпретацию. Известно, что фратрии (если таковые имелись у племен) состояли из материнского и нескольких «дочерних» родов, которые в силу своей экзогамности, конечно же, были по отношению друг к другу родственными. Этот важнейший признак племени нашел отражение в сообщениях тех старобаргутских информаторов, которые говорят о том, что у них составляющие определенные пары роды в силу единства происхождения, обозначаемого термином ах дүү, не могут заключать между собой брачные отношения.

С другой стороны, общеизвестно и то, что поскольку фратрии по своей природе тоже экзогамны, то входившие в них роды составляли организа-

цию (надо полагать, и попарно устроенную, как у старых баргутов) взаимобрачных родов. Так как эти роды были скреплены между собой брачными узлами, то они также являлись относительно друг друга родственными, т. е. ах дүү, как говорят старые баргуты. Поэтому мы имеем право утверждать, что сообщения Монхша и Намжун характеризуют эту, другую, сторону организации старобаргутской общности. В целом, принимая и ничуть не противопоставляя друг другу сообщения обеих групп информаторов, можно сделать вывод, что старые баргуты еще в относительно недавнем прошлом представляли собой классически оформленное племя.

О том, что у старых баргутов существовало племя, говорят и другие факты. В частности, на это указывает обычай эндогамии, который бытовал у них до недавнего времени и строго соблюдался. Обычай, предписывающий заключение брака только в пределах своей общности, является одним из основных признаков племени. Можно еще отметить, что у старых баргутов сохраняются общая генеалогия, которая ведется от мифического антропоморфизированного первопредка Бурал-Дайчина, единый язык, единые обычаи и традиции, общее для всего племени сакральное место для жертвоприношения духам — Төв Өлзийт обоо. Все эти факты говорят о том, что баргуты, как живя в XIII в. около Байкала, так и ко времени переселения в Хулун-Буир были консолидированы в племенную общность. Некоторые пережитки племенной организации прослеживаются у них и сейчас.

Обособленное положение в составе старых баргутов занимает род хурлат. О нем информаторы говорят, что его члены являются братьями со своим тотемом птиц-лебедом (хун шубуутай ах дүү). Наличие у хурлатов в качестве партнера по паре тотемического первопредка имеет глубокий смысл и, может быть, говорит о том, что они занимали особое, привилегированное место в своей фратрии, составляя, таким образом, элитарную прослойку в структуре старобаргутского этноса.

Вполне возможно, что очень давно, в период становления племени, такую же прослойку в другом его сегменте составлял род дулгачин. По словам хорошо осведомленного в традиционной культуре старых баргутов Будагэрэла, дулгачины являются братьями с 99 небесными божествами тэнгэринами (99 тэнгэритэй ах дүү) (II). Авторитетный знаток старобаргутской истории, дулгачин по родовой принадлежности, Бямба сообщил, что среди старых баргутов его сородичи с особым почтением относятся к небу (IV). Тут можно было бы предположить, что в таком случае дулга-

чины действительно являются братьями с духами-небожителями. Однако все информаторы из этого рода, включая Бямбу, говорят, что дулгачины образуют пару с родом жэлхмэг, с чем, конечно, нельзя не согласиться. Видимо, со временем получилось так, что дулгачины утратили свой высокий статус аристократического рода и снизились до уровня обычного подразделения в составе баргутов. Это дает право предположить, что роды дулгачин и жэлхмэг вместе с другими упоминавшимися выше парами, даже с учетом того, что некоторые роды, может быть, нельзя отнести к исконно баргутским (это прежде всего род хартул, имя которого напоминает название монгольского рода среднеазиатского происхождения сартул), составляли ядро баргутов, вокруг которого шло формирование племени. Что касается остальных родов, оказавшихся за пределами двоичной организации ах дүү, то они, по всей видимости, являются примкнувшими со стороны в процессе развития и численного разрастания племенной общности.

Большинство старобаргутских родов, в свою очередь, внутри подразделяются на патронимические группы, обозначаемые маньчжурским термином мохон, названиями которых являются имена или прозвища их реально живших предков. Например, род хурлат распадается на восемь мохонов: баян хурлат, долотон хурлат, хонитон хурлат, хэсэг хурлат, хун хурлат, хагархайн хурлат, хуйин хурлат, могойтын хурлат. В состав рода эрегэн входит пять мохонов: цаган адутай эрегэн, хох адутай эрегэн, алаг адутай эрегэн, найман тогурагатай эрегэн, арбан нэгын эрегэн. Шарануты состоят из семи патронимических групп: толин шаранут, хара хушуны шаранут, хундэлэнэй шаранут, хажины шаранут, хагархай обоны шаранут, могойтын шаранут, ногон хабсагайтын шаранут.

Хурлаты, что следует отметить особо, являются единственным родом у старых баргутов, ведущим свое происхождение от лебедя. Раньше когда на север и обратно на юг пролетали лебеди, они брызгали вверх молоком и молились, ложась на землю. При женитьбе сына они приобщали к этому обычаю невестку. Надев нарядную одежду, она выходила из юрты и, побрызгав молоком, молилась пролетающим лебедям (II).

Что касается членов других старобаргутских родов, то они почтительно относятся к лебедю и стараются не наносить ему вреда. Но они не говорят, что происходят от этой птицы, и, более того, не считают обязательным, как утверждают отдельные информаторы, кропить молоком, завидев ее (II; III; IV). Этот факт указывает, на мой взгляд, на преждевременность вывода о генетическом единстве старобаргутской общности с забайкальским племенем хори, имеющим лебединое происхождение

(Нимаев, 2000: 17). Известно, что характерная особенность этнических общностей состоит в том, что их неизменным свойством, имеющим важное типологическое значение, является взаимное различие (Бромлей, 1981: 16). Сказанное в полной мере относится к старым баргутам, которые называют себя барга, живущих рядом новых баргутов — бурятами, шэнэ-хэнских бурят Хулун-Буира и их забайкальских соплеменников-хоринцев — кударинскими бурятами (хүдэриин буряад) (I). В этих дефинициях видна некоторая неточность (новые баргуты никогда не называли себя бурятами, а хоринцы — кударинскими бурятами), но для нас принципиально важно то, что старые баргуты всегда отличали себя от новых баргутов, т.е. хоринцев, и это отличие, являвшееся отражением очень давно сложившихся реалий, возникло, разумеется, не на пустом месте. Отсюда следует важный вывод, что около Байкала, еще задолго до ухода предков старых баргутов за Аргунь, независимо друг от друга существовали два этнических подразделения — баргут и хори, история каждого из которых достойна самостоятельного рассмотрения. Сказанное ярко подтверждают 8-й и 9-й параграфы «Тайной истории монголов» (ТИМ) и «Сборник летописей», в которых раздельно упоминаются два племени — баргут и хори (хорилар).

Тем не менее в работах китайских исследователей часто утверждается, что истоки этнической истории как старых, так и новых баргутов восходят к общности байегу (в древнетюркских памятниках — байырку), входившей в состав объединения тюркоязычных племен теле и обитавшей на западной стороне оз. Хулун. То есть китайские авторы считают, что обе баргутские группы до появления в Хулун-Буире составляли единое целое. В период династии Тан, предполагают они, байегу переселились на восточный берег Байкала, в Баргуджин-Токум, где стали называться баргут. Когда и каким образом от баргутов отпочковались хоринцы, удовлетворительного объяснения в работах не дается (Tubšinnima, 1985: 26; Элзий, 1999: 10; Sundui, 2005: 33).

Во многом одинаковой точки зрения придерживаются и некоторые российские исследователи. Одно из главных отличий заключается в том, что они изначально первоначальную родину байегу относят к долине Баргузина на севере Западного Забайкалья (Румянцев, 1962: 133; Нимаев, 1993: 73). По мнению Д. Д. Нимаева, байегу, как и их преемники баргуты, представляли союз племен. В «Сборнике летописей» сообщается, пишет он, что племена баргут, кори и тулас «близки друг с другом» и что «их (эти племена. — Б. З.) называют баргутами» (Рашид-ад-дин, 1952: 121).

В то же время автор отрицает существование конкретного племени, называвшегося баргут. На его взгляд, слово баргут — это всего лишь обобщенное наименование различных по происхождению этнических групп, составивших племенной союз. Его монголоязычной основой было племя хори, которое, выйдя из союза, в конце I тысячелетия н.э. выдвинулось на ведущие роли в регионе (Нимаев, 1993: 79, 85, 86).

Анализируя предложенную гипотезу, надо указать следующее. Важно знать, что приведенные выше в качестве аргументов сообщения из «Сборника летописей» принадлежат не Рашид-ад-Дину, а его монгольским информаторам, в которых выражены два взгляда степняков-монголов на территорию около Байкала. Согласно первому из них, все живущие в Баргуджин-Токуме племена относились к тем, которые прежде не причислялись к монголам, но именуются таковыми сейчас. Не случайно в «Сборнике летописей» население Баргуджин-Токума включено в раздел, называющийся «О тюркских племенах, которых в настоящее время называют монголами». Этот момент, выражая общий взгляд монголов на происхождение баргуджин-токумовцев, и подчеркивал Рашид-ад-Дин, утверждая, что «племена баргут, кори и тулас близки друг с другом», близки в том плане, что только недавно стали называться монголами.

Надо полагать, эта разница в происхождении обусловила несколько завышенное мнение о себе у степных монголов и одновременно слегка заниженное суждение у них о населении Баргуджин-Токума. У Рашид-ад-Дина имеется рассказ, что если родители угрожали девушке из лесного племени, а к таковым степные монголы относили все племена около Байкала, выдать ее замуж за степняка, то она от огорчения нередко кончала жизнь самоубийством (Рашид-ад-дин, 1952: 123–124). Возникшие различия в психологических установках постепенно привели к тому, что у степняков по отношению ко всему населению Баргуджин-Токума, независимо от этнической принадлежности отдельных его частей, сложилось несколько пренебрежительное прозвище баргуты, что значит «жители Барги или Баргуджин-Токума». Баргуджин-Токум в понимании степных монголов был глухой, холодной по климату, отдаленной провинцией на окраине их державы.

Здесь напрашивается вывод, что в XIII в. слово баргут употреблялось в двух значениях. Во-первых, как этноним, т. е. как самоназвание племенной общности баргут вблизи Байкала; во-вторых, в широком бытовом плане как обозначение людей, населявших Баргуджин-Токум да и вообще любую подобную местность. Эта особенность по отношению к слову

баргут сохраняется, между прочим, у монголов, бурят и других монголоязычных народов и донныне. И сейчас про brutального по виду и поведению человека, особенно если он является выходцем из какой-то глухой, отдаленной местности, могут сказать барга.

Заканчивая анализ цитаты из труда Рашид-ад-Дина, надо отметить, что в ней нет даже намека на то, что у Байкала функционировал племенной союз под названием баргут; не говорится в ней и о том, что в Баргуджин-Токуме никогда не существовало племени, называвшегося баргут. Если допустить, что баргутского племени вообще никогда не было, то тогда кто по своей этнической принадлежности были старые баргуты Китая? Нельзя же сказать, что они представляли собой совершенно безымянное этническое образование, которое вдруг в Хулун-Буире захотело назвать себя барга. Бездоказательность только что разбиравшейся гипотезы особенно заметна на фоне приведенных мной выше данных о племенной организации старых баргутов. Если старые баргуты были оформлены в племя, которое имело свое самоназвание, то понятно, что данный тип этнической общности существовал у их предков и в XIII в., и в более раннее время, когда они жили у Байкала.

Что касается другого предположения Д. Д. Нимаева, что хоринское племя когда-то входило в баргутский племенной союз, а при выходе из него играло наиболее заметную роль в Баргуджин-Токуме, то данных об этом в источниках не выявляется. Зато в них содержатся сведения, указывающие на то, что хоринцы находились в тесных отношениях с тувинским племенем тумат (Зориктуев, 2008: 30–40), в связи с чем в научной литературе широко известно словосочетание хори-туматы. Распад хоритуматского объединения нашел отражение в 9-м параграфе ТИМ, где говорится об образовании отдельного рода по названию хорилар.

Завершая разбор опубликованных в научной литературе некоторых гипотез и возвращаясь к новым баргутам Китая, напомним, что их исконным именем было хори. В таком случае можно предположить, что первоначальное название старых баргутов было байегу, если допустить, что в реальности действительно имело место трансформация слова байегу в баргут. Как неоднократно указывалось в статье, самоназвание старых баргутов — барга. Поэтому мнение, что новые баргуты, т. е. хоринцы, вначале тоже назывались байегу, мне представляется безосновательным.

Сказанное подтверждают результаты новейших исследований хоринской истории. Приведу некоторые данные. Мной в 2006–2008 гг. в Хубсу-

гульском аймаке Монголии в ходе полевых исследований от имеющихся в составе дархатов тувинских по происхождению родов цаган куулар, улан куулар, хар куулар и шар куулар был записан миф об их происхождении. В нем говорится, что в давние времена один охотник охотился на берегу озера. Вдруг на берег спустились восемь лебедей, которые сняли свои птичьи одежды, превратились в прекрасных девушек и стали купаться в озере. Охотник незаметно подкрался к берегу и похитил одну одежду. Когда девушки вышли из воды и облачились в свои наряды, они вновь превратились в лебедей и взмыли в небо. Та же, которая осталась без одежды, согласилась с предложением охотника стать его женой. Она родила ему сыновей, от которых пошли кууларские роды (VI; VII; X).

Этот неизвестный исследователям кууларский миф точно в такой же редакции существует у бурятских племен хори и хонгодор. Хоринцы обычно дополняют его словами, что они «хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй» (имеют предком лебедя, обладают березовой коновязью). Это же самое поверье бытует у хубсугульских кууларов, только они говорят, что имеют не березовую коновязь, а березовую трость — предмет весьма почитаемый у саяно-алтайских народов. У кууларов поверье звучит так: «Хуулар хун шувуу гарвалтай, хусан модон таягтай» (Куулары имеют предком лебедя и обладают березовой тростью) (VI; VII; X).

Принимая во внимание тот факт, что у кууларов, хоринцев и хонгодоров сохранился типологически одинаковый этногенетический миф и что культ лебедя был наиболее сильно развит в Саяно-Алтае и сопредельных районах Северо-Западной Монголии, считаю безусловно верным предположение, что там некогда существовала единая этнокультурная общность, включавшая в свой состав названные группы и почитавшая в качестве общего тотемического предка лебедя (Зориктуев, 2011: 155). В эту группу невозможно включить старых баргутов, у которых нет подобного мифа и, как следствие этого, четкого и единого представления о тотемическом первопредке.

Со временем данная общность распалась. Некоторые входившие в ее состав подразделения (хоринцы, хонгодоры) оказались у Байкала. Раньше других на его западную сторону прибыли хоринцы, откуда они позже перешли в Забайкалье. В свое время М. Н. Хангаловым были записаны и опубликованы два варианта мифа о происхождении хоринского племени, в наиболее чистом виде сохранившие его архаические элементы. По первому варианту предок хоринцев Хоридой жил на северной стороне Байкала, откуда из-за ссоры с товарищами на охоте вынужден был переи-

ти на южный берег озера. Там он женился на девушке-лебедь и имел от нее потомство (Хангалов, 1960: 109–110). По второй версии мифа Хоридой женился на оборотне-лебедь на берегу озера Садамтын-Саган. Через некоторое время, желая заиметь детей, он по совету жены покинул Лену и перебрался на южную сторону Байкала, где у него родились одиннадцать сыновей и шесть дочерей (Хангалов, 1960: 110–111).

Сюжет о переселении прародителя хоринцев Хоридоя с северной стороны Байкала на южную наряду с мотивом о похищении лебязьей одежды и женитьбе на девушке-лебедь является древнейшим слоем в версиях мифа о происхождении хоринского племени, записанных М. Н. Хангаловым. В других, уже поздних, вариантах мифа, между собой заметно не различающихся, он размыт поздними наслоениями и просматривается либо очень слабо, либо отсутствует вовсе. Между тем на обитание хоринцев в Предбайкалье указывает этнографический материал, бытующий среди верхоленских (качугских) и ольхонских бурят. Так, в районе верховьев Лены находится высокая, особо почитаемая местными бурятами гора Ягшаал, эжином (духом-хозяином) которой является Хорёодой Ехэ Ыбгэн (Великий старец Хоридой). Шаманы на тайлганах, обращаясь к нему и его супруге Хобширой Ехэ Хатан, произносили:

«Үндэр Ягшаал нуудалтай,

Үргэн Сармаар гүйдэлтэй,

Хорёодой Ехэ Ыбгэн,

Хобширой Ехэ Хатан,

Хүртэгты!»

(Имеющие местожительством высокий Ягшаал,

Имеющие дорогу по широкой Сарме,

Великий старец Хоридой,

Великая госпожа Хобширой,

Отведайте!) (XI).

В Качуге приток р. Илга называется Хори, что также может рассматриваться как важное свидетельство обитания в прошлом на Верхней Лене хоринцев. В составе ольхонских бурят есть хоринский род галзут, который, по сообщениям всех без исключения информаторов, пришел на Ольхон с Лены. В Качуге проживает хоринский род шарайт, у которого сохранился миф о его происхождении, по сюжету идентичный с хорин-

ским общеплеменным мифом о Хоридое и, замечу, с приведенным выше хубсугульским мифом о происхождении родов куулар. Наиболее заметное отличие шарайтского мифа от мифа о Хоридое состоит в том, что в нем действие происходит не на Байкале, а на берегу оз. Хангай, находящемся, как говорят информаторы, в современном Эхирит-Булагатском районе Иркутской области (XIII). Бытование шарайтского мифа подтверждает предположение, что хоринцы, оставив Хубсугул, вначале на длительное время остановились на западной стороне Байкала, на Верхней Лене, откуда, повторюсь, перебрались в Забайкалье.

Таким образом, бытующее мнение, что старые баргуты (барга) и новые баргуты (часть забайкальской племенной общности хори) Хулун-Буира некогда составляли единый этнический организм, а их общим предком было известное по китайским источникам племя байегу, входившее в состав тюркоязычного племенного объединения теле, не подтверждается. Названные группы изначально представляли собой два разных самостоятельных этноса. Из них по происхождению наибольшая близость к байегу обнаруживается у старых баргутов.

Список литературы:

- Боржимский, Ф. (1915) Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. XLIV. Иркутск.
- Бромлей, Ю. В. (1981) Современные проблемы этнографии. М.
- Дамбаев, Г. Э. (1970) Из прошлого и настоящего баргузинских бурят (Историко-этнографический очерк). Улан-Удэ.
- Зориктуев, Б. Р. (2011) Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.
- Зориктуев, Б. Р. (2008) О реальных и вымышленных этнических терминах хоритумат и хори-тумэт // Гомбожаб Цыбиков — выдающийся ученый и путешественник : сб. науч. статей. Вып. 2. Улан-Удэ.
- Кормазов, В. А. (1928) Барга. Харбин.
- Материалы по Маньчжурии и Монголии. (1907) Вып. 11. Словарь монгольских терминов. Составил Заамурского округа ротмистр Баранов. Харбин.
- Молдобаев, И. Б. (1993) Устные рассказы о кыргызах у народов Сибири (к вопросу об этногенезе киргизов) // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. С. 292–297.
- Нимаев, Д. Д. (2000) Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ.
- Нимаев, Д. Д. (1993) О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. С. 144–165.
- Рашид-ад-дин (1952). Сборник летописей. Т.1, кн. 1. М.; Л.
- Румянцев, Г. Н. (1956) Баргузинские летописи. Улан-Удэ.
- Румянцев, Г. Н. (1962) Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ.

Санжеев, Г. Д. (1983) Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура бурят. Улан-Удэ.

Тихонова, Е. Л. (2006) Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ.

Хангалов, М. Н. (1960) Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ. Т. III.

Шубин, А. С. (1973) Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ.

Өлзий, Ж. (1999) Барга монголын түүх. Улаанбаатар.

Sundui, Sh. (2005) Erten-ü bargu yasutan. Öbür Mongyul.

Tubšinnima, G. (1985) Barγačud-un teüken-ü ireltü. Öbür Mongyul.

Информаторы:

I. Бодонгут Абида, 1915 г. р., г. Хайлар АРВМ КНР, запись автора, 1998, 1999, 2000 гг.

II. Будагэрэл, 1948 г. р., г. Хайлар АРВМ КНР, запись автора, 1998, 2004, 2008 гг.

III. Буяндэлгэр, 1947 г.р., г.Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись авт., 2000, 2005, 2007 гг.

IV. Бямбаа, 1928 г. р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 1998, 2000 гг.

V. Дугаржаб Цо., 1939 г.р., г. Хайлар АРВМ КНР, запись авт., 2002, 2006, 2011 гг.

VI. Дуужэй, 1956 г. р., сомон Хатгал Хубсугульского аймака Монголии, запись автора, 2008 г.

VII. Жигжии, 1937 г. р., сомон Ренчинлхумбо Хубсугульского аймака Монголии, запись автора, 2006, 2008 гг.

VIII. Мөнхша, 1947 г. р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 2001, 2002 гг.

IX. Намжуун, 1926 г. р., Эвенкийский хошун АРВМ КНР, запись автора, 2002 г.

X. Сэнгэдорж, 1932 г. р., сомон Улаан Уул Хубсугульского аймака Монголии, запись автора, 2006 г.

XI. Тыхеев А.А., 1924 г. р., с. Еланцы Ольхонского р-на Иркутской области, запись автора, 2002 г.

XII. Упанов Ж.Д., 1900 г. р., с. Баянгол Баргузинского р-на Респ. Бурятия, запись автора, 1978 г.

XIII. Хамарханова С.А., 1932 г. р., с. Магдан Качугского р-на Иркутской области, запись автора, 2002 г.

XIV. Хуасай Дугаржаб, 1910 г. р., г. Хайлар АРВМ КНР, запись автора, 1999 г.

Дата поступления: 10.08.2013 г.

MYSTERIES OF THE HISTORY OF OLD BARGUS IN CHINA

B. R. Zoriktuev

Abstract: Article is devoted to one of the most interesting and at the same time most mysterious peoples of Northern Asia — the Bargus. In 13th century they lived by Lake Baikal. Nowadays, known as the Old Bargus, they live in the northeastern periphery of China. Article focuses on their history and some issues of ethnography.

Keywords: Old Bargus, tribal entity, Barguzin, ethnography.